

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ

ПРОБЛЕМА РЕГУЛЯЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО КОНФЛИКТА В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА ВЛАСТИ: РОССИЙСКИЙ ОПЫТ В ЦИВИЛИЗАЦИОННОМ ДИСКУРСЕ

В.В. Тянь

Кафедра социологии и культуры
Московский государственный университет
приборостроения и информатики
ул. Стромынка, 20, Москва, Россия, 107996

В статье рассматриваются важные проблемы регуляции политического конфликта в условиях кризиса власти, анализируются его истоки и особенности, обусловленные политической традицией и характером властеотношений.

Социальная обусловленность политического конфликта предопределяет его значение в развитии общества. Функциональная значимость политического конфликта выявляется на фоне общественно-политического кризиса. Игнорирование политической элитой общественного мнения может стать причиной общенационального политического конфликта.

Ключевые слова: кризис власти, аномический процесс, депривация, политический конфликт, проблема регуляции конфликта.

Политический конфликт является одним из факторов *кризиса власти*. Это существенно, если кризис власти понимается как склонность к дисфункции власти, вызванной множеством причин, приводящих к параличу власти.

Кризис власти предшествует политическому конфликту, хотя последний не всегда приводит к кризису власти.

Политическому конфликту, одному из видов социального конфликта, присущи многие признаки социального конфликта. Но основанием для определения *политического конфликта* является понятие *политического* (политической деятельности, политических отношений, политического развития, *политической власти*).

В определении политического конфликта существуют множество дефиниций.

По мнению Г.В. Пушкаревой, «конфликт — это всегда выход взаимодействия людей за поле институционального нормативного порядка. Потому что борь-

ба за ценности, статусные позиции в политической иерархии, ведущаяся в рамках нормативного поля, обретает характер конкурентного взаимодействия» [10. С. 171].

Но это определение не является исчерпывающим, ибо оставлены за скобками другие не менее существенные признаки. «Политический конфликт есть постоянная форма борьбы за власть в данном конкретном обществе» [6. С. 259], «политический конфликт представляет собой проявление и результат конкретного взаимодействия двух или более сторон» [2. С. 263, политический конфликт представляет собой «борьбу одних субъектов с другими за влияние в системе политических отношений... за все то, что составляет власть и политическое господство» [7. С. 443].

Следовательно, политический конфликт — это особая сфера взаимодействия людей, где минимизированы возможности консенсуса. Развитие общества не может быть бесконфликтным, ибо объектом притязаний участников конфликта являются отношения политической власти, а многообразие проявлений властных отношений предопределяет спектр политических конфликтов, чреватых человеческими жертвами. Политические конфликты развиваются и переплетаются, по мнению Г.В. Пушкаревой, «с конкурентными политическими процессами», но при этом каждый из этих процессов не утрачивает своей специфики» [10. С. 173]. Политический конфликт может выйти за поле институционального нормативного порядка, ибо взаимодействие людей направлено на изменение отношения к объекту притязаний. По мнению исследователей, объект притязаний является определяющим фактором политического конфликта.

Обычно выделяют следующие причины и истоки конфликта, а также поводы для возникновения конфликта.

1. Он возможен по поводу изменения политической системы общества.
2. Они могут возникнуть в связи с притязаниями разных сторон на право осуществлять верховную власть в обществе.
3. Он возможен там, где объектом притязаний является поле политического влияния в сложившейся системе властеотношений.
4. Он может возникнуть по поводу притязаний той или иной группы на институционализацию в системе политических отношений.
5. К нему могут привести притязания общества к правительству с целью побудить их к исполнению своих функциональных обязанностей.

Истоками политического конфликта являются завоевание или укрепление тех или иных позиций, стремление к политической перестратификации и прочие объекты притязаний. В таком случае развитие политического конфликта означает усиление его функциональности.

Как известно, объектом притязаний конфликтующих сторон является предмет конфликта. Конфликты по своему предмету разделяются на несколько видов. Прежде всего, это *общенациональный политический конфликт*, предметом которого является верховная власть в обществе. Следовательно, общенациональный политический конфликт социально обусловлен.

Важно отметить также, что вектор конфликта, фиксирующего столкновение интересов политических сил на этапе острой политической борьбы, социально ориентирован. Социальная природа политического конфликта проявляется в его детерминированности со структурными элементами общества. Столкновение интересов может перерасти в столкновение политических сил на этапе дихотомии элиты. Насколько разнятся интересы сторон, настолько очевидна острота конфликта. «Конфликт является отцом всех вещей, т.е. движущей силой изменений, но конфликт не должен быть войной. Пожалуй, в рациональном обуздании социальных конфликтов заключается одна из центральных задач политики...» [5. С. 147] — подчеркивает Р. Дюрендорф.

Несколько ранее К. Маркс говорил о прогрессивном значении политического конфликта, при этом не придавая значения *депривации* и *агрессии* — высшим формам проявления конфликта. Это специфическая форма взаимодействия, когда вся энергия людей направляется на нанесение морального, физического, материального ущерба другой стороне. В политической практике имели место подавление конфликта, его затягивание и попытки урегулирования.

Л. Козер, американский исследователь социальных конфликтов, считает, что социальная напряженность предшествует конфликту, но не обязательно трансформируется в конфликт: «Социальный конфликт — это всегда социальное взаимодействие, тогда как отношение или чувство представляют собой только предрасположенность к действию» [9. С. 59]. Он подчеркивает функциональную значимость конфликта для общества. Одна из них — функция страховочного клапана политической системы. Но неразрешение политических конфликтов может дестабилизировать общество. Понимая это, политическая власть стремится разрешить эти конфликты методами, представляющимися ей эффективными. Естественно, оппозиция разрабатывает свои методы адекватного реагирования.

Обычно конфликт начинается с выдвижения притязаний. Тому примеров и фактов бесчисленное множество. Но на развитие конфликта может оказать влияние столько же факторов: политическая традиция, ментальность, политическая культура, состояние экономики. Эти факторы особенно действенны в период политической модернизации общества, когда политические силы концентрируются в конфликте старых и новых политических субъектов.

Укорененный в реалии, конфликт протекает болезненно, но определенно выполняет функцию предвестника *аномических процессов* в общественно-политической системе. Особенно это наглядно видно при переходе традиционного общества к индустриальному, т.е. на «гребне волны» европейских революций. Однако конфликт может выполнить функцию катализатора процессов, в том числе и аномических. Отсюда проистекает важность регуляции конфликта. Российский опыт в цивилизационном дискурсе подтверждает этот тезис.

В России конфликтные властеотношения в той или иной форме возникали после «обмана верхов», игнорирования народных чаяний. В момент вакуума власти (Вел. кн. Константин Павлович отказался от власти в пользу младшего брата Николая, которому должны присягнуть дворяне) 14 декабря 1825 г. руководители

тайных обществ вывели войска на Сенатскую площадь и отказались присягнуть Николаю. Конфликт был подавлен силой.

Ссылка в Сибирь осужденных декабристов с целью их политической изоляции не способствовала достижению в обществе консенсуса. Ослабленная противостоянием прогрессивным вызовам монархическая система обрела тиранические черты, явно смущая умонастроения дворянской элиты, и до середины XIX в. была причиной *депривации* (чувство недовольства) среди обездоленных крестьян и других социальных маргиналов. У власти не было решимости отменить крепостническую систему, а общество стремилось избавиться от ее ига. Самоотстранение имп. Николая I от регуляции конфликта фактически означало самоотречение от власти.

К середине XIX в. подавленный конфликт развивался, достигая накала революционной ситуации, т.е. принимая агрессивные формы выражения. Загнать его в поле существующего институционального нормативного порядка не удавалось.

Политическая власть (император Александр II и его правительство) разрешила конфликт, отменив крепостническую систему и проведя либеральные реформы. Фактором отвлечения власти от реформ была «аристократическая» оппозиция [13. С. 25], которая пыталась выхолостить content реформ, что в какой-то мере удалось в период контрреформ, вызвавших волну протеста. Конфликт не был исчерпан ввиду его *социальной обусловленности*. Все слои общества были недовольны политикой правительства: дворяне тем, что им понизили социальный статус, лишив их личной власти над крестьянами, а крестьяне тем, что их обманули, не сделав земельными собственниками.

Политический конфликт имеет свои особенности. Главная из них — идеологизация, т.е. стремление конфликтующих субъектов представить свои притязания в форме намерений защитить определенную систему социально-политических ценностей. Это означает, что политический конфликт есть конфликт ценностей.

Важной особенностью конфликта также является мобилизация его участниками значительных ресурсов.

Еще одна особенность политического конфликта — он означает конфликт групп интересов.

Итак, конфликт начинается с выдвижения притязаний и может протекать в агрессивной форме. По мнению ряда исследователей, агрессия — это высшая форма проявления конфликта, это специфическая форма взаимодействия, когда вся энергия людей направляется на нанесение ущерба другой стороне. Возможно углубление конфликта из-за непримиримости субъектов.

Император Александр III «выявил» основную причину «крамолы» в обществе, которая выражалась в разрыве власти с народом, и был последователен в устроении «народной монархии». Консервативное направление, в котором просматривались идеи Н. Макиавелли, Э. Бёрка и других западных мыслителей, было укреплено славянофильскими построениями А.С. Хомякова, К.Н. Леонтьева, концепцией монархической государственности Л.А. Тихомирова и на время ослабило либерально-политическое течение. «Монархическая государственность» вывела

из сфер государственной политики «правительственный либерализм». «Триумvirат» (К.П. Победоносцев, Д.А. Толстой, М.Н. Катков) добился отставки многих высших чиновников либерального толка. Добившись «бесконфликтного» правительства, царь-Миротворец решительно боролся с крамолой, возникающей, на взгляд консервативных сановников, из-за вседозволенности и брожения умов. Мобильные группы народников пытались вслед за декабристами реализовать свой проект конституции народного федеративного государства, дающего возможность всем гражданам участвовать в принятии государственных решений... А проект, по мнению официальных лиц, составлен на основе европейских политических схем. Конфликтующие стороны не имели воли к примирению. Однако императору было ясно, что конфликт с народниками должен быть ликвидирован. Он видел причину и истоки конфликта в нигилизме «тираноборцев».

Попытка сломить судебными процессами, административными мерами «тираноборцев» и тем самым искоренить причину многолетнего противоборства власти и экстремистской группы народников успеха не имела, ибо общество выражало сочувствие последним и идее о народовластии. В конечном итоге завершился затяжной политический конфликт победой российского либерализма: в ходе первой русской революции в стране появилась представительная власть в лице Государственной думы. Но оказалось, что представительной власти не хватает представительности. Она так и не получила доступа к механизму принятия политических решений, хотя полагала, что должна осуществлять совместно с царем контроль над правительством. Однако же царь и слышать не хотел о реальном политическом дуализме. Назревал конфликт. И в этот раз по вине власти.

Несомненно, новый революционный подъем, наметившийся в начале 10-х гг. XX в. в Российской империи (пробуксовка аграрной реформы, безработица) на фоне политических кризисов, происходивших в ряде империалистических держав, тревожил правящие круги России, достигших понимания срочного пересмотра векторов внутренней и внешней политики правительства.

Император Николай II воспринял назревавший мировой конфликт как благоприятный фактор в разрешении внутренних, социальных противоречий, обострившихся под воздействием объективных обстоятельств и действиями деструктивных элементов, к коим власть относила социал-демократов всех толков и прочие левые партии.

Как известно, трезвомыслящие политические и государственные деятели в окружении царя представляли опасность вовлечения страны в мировой конфликт, у России не было территориальных притязаний и геополитического интереса, а дипломатические усилия в поддержке Сербии не были исчерпаны.

Царь, как отмечают его биографы, не внял предостережениям сановных «голубей». Воспользовавшись тем, что Германия объявила войну России, император Николай II своим указом объявил о начале войны с Германией. Так как та и другая стороны были членами противостоящих союзов, война стала Первой мировой в XX в.

Все социальные слои российского общества благосклонно восприняли усилия монарха по мобилизации патриотических сил. Казалось, все конфликты по-

гашены, в обществе достигнут тот консенсус, которого власть не могла добиться в мирное время.

Однако следует внести уточнение в оценке общественного мнения первых дней войны. Необходимо отметить, что лидеры большевиков, меньшевиков, социалистов-революционеров и прочих левых партий, выступающих в защиту интересов социальных низов, не считали нужным присоединиться к патриотическому хору правых партий, активизировавшихся в Государственной думе.

Война потребовала от властных кругов оперативного решения стратегических задач, возможного при достижении консенсуса, которого в правящей элите не было.

26 июля (8 августа) 1914 г. состоялась однодневная сессия IV Думы, созванная для решения вопроса об отпуске кредитов на военные нужды. До начала заседания был организован торжественный прием членов палат в Зимнем дворце.

Устами лидера кадетской фракции П.Н. Милюкова либералы заявили: «Каково бы ни было наше отношение к внутренней политике правительства, наш первый долг — сохранить нашу страну единой и нераздельной... Отложим же внутренние споры, не дадим врагу ни малейшего повода надеяться на разделяющие нас разногласия...».

Депутаты-кадеты (с 1905 г. либеральная оппозиция) и другие либеральные деятели IV Государственной думы в порыве патриотических чувств поддержали решение царя вести войну до победы.

Однако большая часть либеральной буржуазии не выработала своего отношения к военной политике правительства, но тактические приемы «отрабатывала» на его отдельных промахах.

Интересы России концентрировались в идее сохранения и усиления независимой православной империи, объединительницы славянства. Сохранение статуса великой державы стало испытанием на прочность самодержавного режима. «„Быстрая и победоносная война трех коронованных кузенов“ вышла из-под контроля властей», — пишет А.И. Степанов.

Россия вступила в Первую мировую войну с некоторым запасом прочности, хотя военная реформа не была завершена, армия и флот не смогли полностью укомплектованы боевой техникой, новыми видами оружия. Но был высок боевой дух в войсках, ведомых опытными военачальниками.

После того как в августе 1915 г. верховным главнокомандующим стал император Николай II, либеральная оппозиция неудачи русских войск использовала как повод для десакрализации царской власти.

Царь приложил немалые усилия, чтобы выправить ухудшающуюся ситуацию на действующих фронтах. Возобновил практику военно-полевых судов, действовавших в годы Первой русской революции. Суровые приговоры нарушителям воинского устава, вплоть до смертной казни, никак не способствовали сближению власти с народом. Люди жаждали скорейшего окончания войны, царь — тоже, но с увенчанием лаврами победителя. Конфликт нарастал. Подбросила дровишек в костер конфликта и либеральная оппозиция, оказывается, тоже выступающая с позиции «война до победного конца».

Отношение либеральных партий к войне предопределило их тактический курс, выразившийся, прежде всего, в отказе (до лета 1915 г.) от всякой оппозиционности к правительству. Тем самым оппозиция дала власти возможность «организации победы».

В конце 1915 г. ситуация на русско-германском фронте начала ухудшаться. Потери превысили миллион солдат и офицеров. Воинские части пополнялись малообученным составом. Но высшие офицеры были уверены в том, что стратегическая инициатива вскоре перейдет командованию русских войск. Повод этим настроениям дала Брусиловская кампания, в проведении которой принимал участие император Николай II. По мнению У. Черчилля, победа генерала А.А. Брусилова имело огромное значение для союзников и она «оказала важную услугу Франции и особенно Италии» [14. С. 39]. На Россию выпала вся тяжесть стратегических планов Антанты. Русские войска отвлекали на себя отборные немецкие дивизии. Россия выполняла свой союзнический долг. Император Николай II хотел развить успех русской армии, чтобы остановить врага и получить возможность взять под контроль оппозиционно настроенные силы. Увы, развить успех не удалось по многим причинам, в том числе из-за чрезмерной осмотрительности начальника Генштаба М.В. Алексеева.

По свидетельству очевидцев, в войсках улетучилась вера в скорое окончание войны. Уже в конце 1916 г. на русско-германском фронте имелись случаи братания немецких и русских солдат (как считали либералы, под влиянием социал-демократической агитации). Это свидетельствовало не столько о падении морального духа солдат, сколько о кризисе самодержавного «патриотизма».

В 1916 г. продолжают нарастать антивоенные настроения в армии и обществе. Этому способствовали огромные потери русской армии в войне, не ставшей для российского общества Отечественной, кризис в экономике.

Подобные настроения распространились среди рабочих и крестьян по мере ухудшения положения на фронтах, экономических затруднений. Жизнь в нужде и нищете измучила людей. Они поначалу считали, что виной тому война. Но война уже продолжается три года и нет ей конца. Миллионы погибли, миллионы попали в плен. И врагу нанесен немалый урон. А положение на фронтах не улучшается. Наоборот. Так нельзя ли покончить с этой войной? И рассуждающих таким образом нельзя было заподозрить в непатриотизме. Настроение социума повернулось в сторону сочувствия к солдатам, готовым на братание с врагом.

В обществе искали ответа на вопрос: в чем причина критического положения в войсках? Ведь был Брусиловский прорыв. Ясного ответа не было. И либеральная оппозиция с думской кафедры заявляет, причина — в кризисе государственного управления. Кризис власти стал проявляться все отчетливее. Верхи понимали, что только победные реляции с фронтов могли поднять имидж власти.

Но не только царь ждет победных реляций, но и думцы, вся думская верхушка. Дело в том, что с 1906 г. самодержавная Россия — институционально ограниченная, думская монархия.

Думская монархия — это результат долгого поиска по либерализации общественно-политической жизни в стране.

Принципы монархической государственности: православие, самодержавие, народность на переломе Первой мировой войны подверглись испытанию на прочность. Идеологическая триада самодержавия рассыпалась. От давнего религиозного поклонения власти не осталось следа, ибо возросло недоверие к ней. Война, которая уже унесла миллионы россиян, не способствовала культивированию патриотизма.

Но в оппозиционной деятельности либералы допускали ошибки. Они толком не объяснили людям, в чем заключается необходимость продолжения этой страшной войны.

Обыватель недоумевает: зачем царь посылает солдат на погибель? Потому что Россия не может выйти из договора с Антантой? Ради поддержания статуса великой державы? Но людские резервы для пополнения армии на исходе. Люди плохо переносят тяготы войны. И все это происходит потому, что царь не прислушивается к мнению народа.

С осени 1916 г. в обществе начало усиливаться антивоенное настроение, оформившееся в протестное движение. По всей стране прокатилась волна стачек. Зафиксировано увеличение удельного веса политических забастовок.

Усилилось крестьянское движение.

Власть, по обыкновению, предпочитала игнорировать чаяния социальных низов. Низы, из представителей которых формировались войска, просили власть «замирения с немцами». Как известно, первоначальный план сепаратного мира намечался не по подсказке снизу, но он дал бы лишние козыри фронде в ее борьбе с императором. Царь не нашел бы понимания у парламентаристов, ищущих повода, чтобы уличить царскую семью в германофильстве, т.е. в отсутствии патриотизма, что явилось лишним поводом для десакрализации верховной власти. Все заметнее ощущался кризис монархического строя. Одним из наиболее ярких проявлений этого была так называемая распутинщина.

В общественном сознании утвердилась мысль о предпочтительности народоправства.

Все сложнее стало разобраться в тактике либеральной оппозиции. П.Н. Милоков, выступая в Государственной думе 1 ноября 1916 г. с пространной, эмоционально окрашенной речью, сказал: «Мы сами те же, что прежде; мы те же на 27-м месяце войны, какими были на десятом и какими были на первом. Мы по-прежнему стремимся к полной победе, по-прежнему готовы нести все необходимые жертвы и по-прежнему хотим поддерживать национальное единение...». И обвинил правительство в преступном бездействии: «теперь эта власть опустилась ниже того уровня, на каком она была в нормальное время нашей русской жизни» [4. Стб. 35—48].

19 ноября 1916 г. В.М. Пуришкевич произнес в Государственной думе пламенную речь: «...во мне горит бесконечная любовь к родине и беззаветная, беспредельная верноподданническая преданность к моему государю; я живу мыслью сейчас только об одном — о победе России, но как раньше, так и сейчас во мне нет холопской угодливости перед органами правящей власти, и записываться

в члены министерской передней я не могу. Я вижу ясно, господа, кто и что вредит России, тормозит и отдаляет час ее несомненной над внешним врагом победы; я вижу это так же ясно, как видит большинство из вас. Вся Россия, конечно, жаждет одного — жаждет победы...» [4. Стб. 260—288].

20 ноября министр внутренних дел А.Д. Протопопов доносил в Ставку о речи Пуришкевича: «Нельзя отрицать, что речь Пуришкевича произвела на всю Думу, включая дипломатическую и другие ложи, потрясающее впечатление» [4].

Царь был вынужден произвести очередную кадровую перестановку в правительстве. Но «патриотическую карту» думская оппозиция продолжала разыгрывать с далеко идущей целью.

Ни П.Н. Милоков, ни В.М. Пуришкевич и иже с ними, клявшиеся в истинном патриотизме, не несли бремя ответственности за свои слова и дела, не мерзли в окопах и не тосковали по родному дому, малой и большой родине. Поэтому патриотический пафос иных общественных и политических деятелей самодержавия не выходил за пределы политической демагогии. Естественно, подобные деятели готовы были к преступным деяниям, что последовали после тех пламенных речей.

Цели, которых преследовала царская власть в войне, были труднодостижимы. Число жертв войны достигло нескольких миллионов. Более того, это были напрасные жертвы. Так интересы общества и верхов разошлись бесповоротно. Царь оказался в трудном положении. Власть у него оказалось столько, что он не мог уже переложить ответственность за все происходящее в стране на кого-либо другого.

Политическая власть есть особый вид властных отношений в обществе, в систему которых вовлечены все граждане страны. Политическая власть в думской монархии в годы войны качнулась к неоабсолютизму. И любое изменение характера властеотношений приводит к масштабному политическому конфликту и актуализации проблемы национальной безопасности. Участники конфликта искали вариант его мирного разрешения.

Зрел антираспутинский заговор. В заговоре участвовали князь Феликс Юсупов, сторонник продолжения войны до победы, В.М. Пуришкевич и др. Стремясь предотвратить надвигающуюся социальную катастрофу, оппозиция вынашивала план государственного переворота. Убийство Г.Е. Распутина стала составной частью этого плана, а не только предупреждением царю. В историографии утвердилась концепция об отречении Николая II от власти как одного из способов предотвращения революции (как полагали великокняжеские заговорщики). Но либеральные оппозиционеры думали иначе. А.И. Гучков отмечает: «только ценой отречения государя возможно получить известные шансы успеха в создании новой власти» [1. С. 15]. Отречение царя от власти, по существу, явилось государственным переворотом, а не сменой власти, о чем свидетельствуют итоги Февральской революции и установившаяся система двоевластия.

Либералы оказались во власти, но вся полнота власти им не перешла. Они были вынуждены делить власть с петросоветовцами. В системе двоевластия Вре-

менное правительство по ответственности оказалось старшей. От него общество ждало перемен, «замирения с немцами» и хлеба. Но либералы по-прежнему выступали за продолжение войны до победы, не спешили, кроме провозглашения политических свобод, декларирования равенства сословий, затронуть главные ценности самодержавия. Они не определили модель будущего государства. Вопросы политического будущего России либералы оставили созываемому Учредительному собранию. А пока все сложившиеся экономические отношения оставили без изменения. Собственность помещиков и буржуазии оставалась в неприкосновенности. Крестьяне жаждали передела земли. Об этом говорили вслух, слухи докатывались до солдат в окопах, которые рвались домой: не дай бог обделят. Существовал социальный антагонизм, но до раскола общества было еще далеко. Общество структурировано, но не расколото. Вопросы о земле, о собственности не привели к социальным конфликтам. Известный тезис о превращении империалистической войны в войну гражданскую после Февральской революции не получил практического подтверждения. Не было для этого оснований: провозглашено равенство сословий, но не их отмена, сохранялась в прежней форме частная собственность, политические свободы.

Но свобода Февраля больше виртуальная, чем реальная. Люди не могли, располагая этой свободой, решить главный вопрос: о мире. Несмотря ни на что, война продолжалась. Временное правительство неукоснительно выполняло союзнические обязательства перед Антантой, тем самым углубляя экономический, общественно-политический кризис. Люди хотели мира и хлеба, а новые лидеры призывали к войне до победного конца, что было приятно слышать антантовским политикам. Рабочие добивались сокращения рабочего времени, улучшения жилищных условий. Крестьяне — скорейшего раздела земли, а вместо этого получали лишь обещания. Слухи о размежевании сказывались на падении дисциплины в действующей армии. Домой, в деревню стремились замерзающие в окопах солдаты.

Патриотический пафос буржуазных лидеров на фоне экономической разрухи и военных бед вел общество к событиям, которые могли «потрясти мир». Временное правительство (недостаточно легитимное) не считалось с антивоенными настроениями в российском обществе, не слышало народных чаяний. Конфликт между обществом и Временным правительством нарастал.

Лидеры Февральской революции и на переломе войны, когда необходимость хотя бы перемирия была очевидна, оглашали патриотические императивы. А.Ф. Керенский проводил политику «войны до победы». Но патриотический пафос этих лидеров не имел ничего общего с патриотизмом русского народа. Продолжение антинародной политики войны до победы вело страну к катастрофе. Но Временное правительство, робея перед Антантой, опасалось пересмотра унизительных для России обязательств перед союзниками, что тем самым окончательно «уронило» власть. «Патриотическая» политика исчерпала себя. «Временное правительство — всякое правительство 1917 года — могло бы удержаться, если бы заключило «похабный» мир и отдало высшие классы, от офицерства до интеллигенции, в жертву народной ярости» [12. С. 134]. Но либералы не хотели сойти

с «патриотического конька», вопреки народным чаяниям. Конечно, недостаточность власти (Петросовет мечтал о полноте власти) не позволила либералам приступить к *регуляции затяжного конфликта*.

С первых дней советской власти политический конфликт стал основным инструментом в борьбе политических группировок, он проявлялся в агрессивной форме, чему способствовала коммунистическая идеология, которая всегда была конфликтна и воинственна.

И все же социальная обусловленность политического конфликта в периоды борьбы с правой и левой оппозицией, с троцкизмом, уклонами и т.п. проявляется специфически: в межличностном конфликте, т.е. в схватке лидеров одной партии, нарушавших этические нормы. Столь частый политический конфликт с прогнозируемым результатом возможен при существенной фрагментации общественно-политического сознания.

В новой демократической России назревал масштабный политический конфликт, истоки которого таились в недрах советской системы. На начальном этапе политический конфликт способствовал ротации элиты, но не полной ее смене.

Стороны не смогли достичь политического консенсуса, и в октябре 1993 г. этот затяжной конфликт принял агрессивную форму. В подобных случаях возможно «принуждение» или «заставление» [8. С. 168], если у власти есть необходимая воля и законодательная база. С принятием Конституции в обществе проблема легитимации власти была снята, но не были закрыты все источники конфликта, однако его разрешение стало возможно в правовом пространстве. «Следовательно, в период, когда мы делаем рискованный переход от массовой к мозаичной демократии, можно ожидать обострения борьбы между политиками и бюрократией за управление системой» [11. С. 318], — пишет Э. Тоффлер.

Политический конфликт выносил на злобу дня актуальные проблемы общества, в чем и выражалась его функциональная значимость. Регуляция конфликта его участниками в виду антагонизма интересов маловероятна.

Проблема регуляции политического конфликта в условиях кризиса власти может оставаться нерешенной.

Однако разрешение политического конфликта в политическом пространстве обязательно отразится на ситуации в социальном пространстве, ибо источником политического конфликта является социальное противоречие. Своевременное разрешение конфликта означает преодоление кризиса власти.

Выявление причин политического конфликта, анализ его истоков и особенностей делает реальным его регуляцию в поле институционализации.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Александр Иванович Гучков рассказывает... — М., 1993.
- [2] *Бабосов Е.М.* Конфликтология. — Минск, 2000.
- [3] Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографический отчет. Сессия пятая. Заседания 1 и 19 ноября 1916 г. — СПб., 1916.
- [4] Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). — Ф. 1467. — Оп. 1. — Д. 567. — Л. 575а—577 об.

- [5] *Дюрендорф Р.* Элементы теории социального конфликта // СОЦИС. — 1994. — № 5.
- [6] *Здравомыслов А.Г.* Социология конфликта. — М., 1995.
- [7] *Зоркин Д.П.* Основы политологии. Курс лекций. — Ростов н/Д, 1996.
- [8] *Ильин И.А.* О сопротивлении злу силой. 2-е изд. — Лондон, Канада, 1975.
- [9] *Козер Л.* Функции социального конфликта. — М., 2000.
- [10] *Пушкарева Г.В.* Политология. Конспект лекций. — М., 2005.
- [11] *Тоффлер Э.* Метаморфозы власти. — М., 2001.
- [12] *Федотов Г.П.* Судьба и грехи России. В 2-х т. Т. 2. — СПб., 1992.
- [13] *Христофоров И.А.* Аристократическая оппозиция великим реформам конец 50-х — середина 70-х гг. XX в.: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. — М., 2000.
- [14] *Черчилль У.* Мировой кризис. — М.-Л., 1932.

PROBLEM OF REGULATION OF THE POLITICAL CONFLICT IN THE CONDITIONS OF POWER CRISIS: THE RUSSIAN EXPERIENCE IN CIVILIZATIONS DISCOURSE

V.V. Tjan

The Department of Sociology and Culture
The Moscow State University of Instrument Making and Informatics
Stromynka str., 20, Moscow, Russia, 107996

In article it is considered the important problems of regulation of a political conflict in the conditions of power crisis, its sources and the features predetermined by political tradition and character power treatments are analyzed.

Social conditionality of a political conflict predetermines its value in society development. The functional importance of a political conflict comes to light against political crisis. Ignoring by political elite of public opinion can become the reason of a national political conflict.

Key words: power crisis, anomies process, deprivation, political conflict, a problem of regulation of the conflict.